

**За
гранью
"жили-были"...**

**Надежда Бесоф
Кочетова**

Надежда Кочетова

За гранью "жили-были"...

<https://litres.ru/74132474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Толика всё началось с нелепой просьбы: укради коня. Он думал, что рискует только свободой, а столкнулся с чем-то, что не укладывается в простые объяснения. Двор, полный шевелящихся теней. Человек, чей голос звучит как проклятие. И тишина дома, которая давит сильнее любого крика. В этом мире опасность не всегда приходит с рёвом — иногда она входит тихо, садится в углу и наблюдает, как ты медленно понимаешь, что уже не сможешь всё вернуть.

Содержание

Глава 1. «Украсть коня ради любви»	4
Глава 2. «Цена чуда»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Надежда Бесоф Кочетова

За гранью "жили-были"...

Глава 1. «Украсть коня ради любви»

Толик схватил коня за уздечку и потянул. Конь высоко поднял голову, потряс ею, сопротивляясь, а потом заржал — звук прокатился по двору, как тревожный крик, и Толик невольно вздрогнул. Ему показалось, что в тишине ночи этот рёв слышали все: и хозяин, и соседи, и даже сама тьма, сгустившаяся между сараем и забором.

Воздух был густым и липким, будто пропитанным чужим страхом. Пахло прелой соломой и чем-то металлическим — будто где-то рядом пролилась кровь и успела высохнуть. Толик втянул носом воздух и тут же пожалел: этот запах въедался в лёгкие, становился частью его паники.

«Да идём же, дурья башка!» — парень дёрнул сильнее, но в голосе уже сквозила паника.

Конь снова заржал, явно не желая двигаться с места, и переступил копытами по утоптанной земле, будто нарочно выбивая ритм, который отсчитывал последние секунды свободы Толика. Каждый удар копыта отдавался в груди глухим

эхом, словно кто-то бил в старый барабан где-то под землёй.

«Ох уж эта Динка! Придумала Коня для неё укради! Сейчас вот эта кляча разбудит хозяина, и всё — хана тебе, Толик», — причитал горепохититель, оглядываясь по сторонам так, словно из каждой тени вот-вот должна была выскользнуть беда.

Тени и правда вели себя странно. Они не лежали спокойно, как положено ночью, а будто шевелились, вытягивались, тянулись к Толику тонкими чёрными пальцами. Ему чудилось, что, если он задержится ещё хоть на минуту, эти тени оплетут его ноги и утащат туда, где нет ни света, ни криков, ни надежды.

Вдруг Толя вспомнил, что ещё утром закинул в рюкзак пару яблок. Парень быстро снял рюкзак с плеч и пошарил в нём рукой — яблоки на месте! В груди шевельнулась слабая надежда. Пальцы наткнулись на гладкую кожуру, и это ощущение на секунду вернуло ему чувство реальности.

«Эй, морда! Угощайся!» — он протянул одно яблоко коню.

Конь, слегка фыркая, понюхал угощение, а потом отвернулся — медленно, почти брезгливо, будто яблоко несло в себе дурной запах, а не сладость. В темноте глаза животного на миг вспыхнули тусклым, неестественным отблеском, словно в них отразилось что-то, чего Толик видеть не должен был.

«Вот же привередливая скотина! Ешь, кому говорю! Чего

морду воротишь?» — Толик снова поднёс яблоко, но теперь в его словах слышалась не злость, а отчаяние.

И тут он заметил кое-что странное: на шее коня, под густой гривой, темнели неровные полосы, похожие на старые шрамы или выжженные знаки. Они складывались в узор, который Толик никак не мог разобрать, но от одного взгляда на него по коже бежали ледяные мурашки.

Конь уловил его взгляд и на секунду замер, будто понял, что его тайна раскрыта. А потом снова фыркнул — и этот звук прозвучал уже не как обычное лошадиное недовольство, а как насмешка.

— А он из чужих рук не ест, — вдруг раздался сзади мужской голос.

Холод пробежал по спине Толи, и сердце ухнуло куда-то вниз.

«Я влип!» — с ужасом подумал он, медленно поворачиваясь, будто каждое движение могло отсрочить неизбежное.

Поворот вышел тягучим, неестественно долгим, словно время в этом дворе сгустилось, превратилось в вязкий сироп, который мешал двигаться.

— Здравсьте, — тихо произнёс он, и собственный голос показался ему чужим, тонким, как треск сухой ветки. Звук тут же утонул в тяжёлой тишине, будто ночь жадно проглотила его, не оставив даже эха.

— Да уж, здравсьте так здравсьте! Ты чего тут делаешь? — перед Толиком стоял высокий, широкоплечий цыган.

Его чёрные глаза в полумраке казались двумя бездонными провалами, в которых не было ни капли жалости. А ещё Толику почудилось, что в глубине этих глаз мелькает что-то постороннее — будто там шевелились тени, не принадлежащие самому человеку.

— Я... я...

— Ты, ты!

— Я просто посмотреть зашёл, — пытаюсь пройти к выходу, пробормотал Толя, но ноги будто налились свинцом.

К тому же земля под подошвами казалась странно неровной, будто кто-то нарочно разбросал под ногами невидимые кочки, чтобы сбить с шага.

— А ну постой! — схватил его за шиворот цыган.

Пальцы у него были жёсткие, цепкие, словно когти. От прикосновения по коже Толика пробежал ледяной ток, а ткань куртки будто стала влажной, хотя дождя не было.

— Хотел коня увести?

— Что вы? Нет, и не думал!

Цыган прищурил свои чёрные глаза и пристально посмотрел на испуганного парня, будто пытался разглядеть в нём правду, спрятанную где-то глубоко под кожей.

В этот миг Толик отчётливо уловил запах, исходивший от цыгана: не обычный запах человека, а смесь дыма, горьких трав и чего-то затхлого, как от старых, давно не открывавшихся сундуков. Этот запах оседал в горле, мешал дышать.

Затем цыган отпустил ворот, но от этого Толику не стало

легче — казалось, взгляд цыгана всё ещё держал его крепче любой хватки. И ещё Толик заметил, как на миг в полутьме блеснуло что-то на шее цыгана — тонкий металлический ободок, похожий на ошейник или странный амулет. Он был почти скрыт воротником, но Толик успел разглядеть на нём выцарапанные знаки, от которых становилось не по себе.

— Ещё раз тебя увижу, здоровым не уйдёшь!

Голос прозвучал не как обычная угроза, а как обещание, скреплённое чем-то древним и безжалостным.

— Не увидите! Я пойду, ладно?

Цыган отошёл, освободив проход парню, но Толик не сразу решился двинуться с места — ему всё чудилось, что стоит сделать шаг, и цыган снова схватит его, только на этот раз уже не отпустит. А когда он всё же сделал первый шаг, то услышал за спиной тихий, едва уловимый звук — будто цыган усмехнулся, но усмешка эта была беззвучной, словно родилась не во рту, а прямо в темноте. И ещё, уже уходя, Толик краем глаза заметил, что тень цыгана на земле лежит не так, как должна. Она была чуть длиннее, чем позволял скудный свет, и её очертания странно дрожали, будто тень жила отдельно от человека и была куда опаснее него.

Вернувшись домой, Толя набрал номер Дины. Он слушал гудки, надеясь, что девушка возьмёт трубку, и в этой тишине каждый гудок звучал как упрёк — будто сама квартира шептала ему: «Ты провалился. Ты ничего не можешь». Стены будто сдвинулись чуть ближе, а воздух стал густым, тяжё-

лым, словно в комнате осела та самая ночная тьма со двора.

— Алло, — она всётаки ответила.

— Дина, привет.

— Тебе чего?

Толик сжал телефон так, что костяшки пальцев побелели, а края корпуса врезались в кожу. На секунду он почувствовал лёгкую, но резкую боль — она была почти приятной, потому что доказывала: он всё ещё здесь, он не растворился в том липком страхе у конюшни.

— У меня не получилось коня украсть.

Дина рассмеялась — резко, звонко, и этот смех ударил по ушам, как пощёчина. В нём не было ни капли сочувствия, только раздражение и какая-то злая насмешка, от которой внутри у Толика всё сжалось.

— Ну так чего звонишь тогда? Когда украдёшь, тогда и звони.

Толик услышал короткие гудки. «Сбросила», — вздохнул парень, и в этот момент ему вдруг показалось, что даже телефон в руке стал тяжелее, будто тянул его вниз, в ту самую темноту, от которой он только что убежал. Он опустил руку, и холод от металла пополз вверх по запястью, словно по жилам разливался ледяной ток. Толик медленно провёл ладонью по лицу, стирая невидимую влагу — то ли пот, то ли первые, стыдные слёзы, которые он не хотел признавать. Пальцы дрожали, и эта дрожь не унималась, будто тело всё ещё помнило хватку цыгана, жёсткие пальцы на воротах, за-

пах дыма и горьких трав.

В комнате стало ещё темнее, хотя лампочка в коридоре всё так же тускло горела. Тени в углу будто сгустились, сложились в неясный силуэт, и Толику на миг почудилось, что это не просто игра света, а кто-то стоит там и смотрит на него — безмолвно, оценивающе, будто уже знает, что следующей ночью Толик снова пойдёт туда, куда идти нельзя.

«Я больше не пойду», — мысленно повторил он, но слова прозвучали в голове жалко и неубедительно, как клятва, которую он сам не собирался держать. И от этого становилось ещё страшнее.

Глава 2. «Цена чуда»

Дина сидела на скамейке у старого колодца, закинув ногу на ногу, и крутила в пальцах тонкую веточку. Солнце садилось, и длинные тени от покосившихся заборов ложились на пыльную улицу, будто кто-то нарочно чертил ими границы, за которые лучше не заходить. Рядом, прислонившись к стене полуразрушенного сарая, стояла Настя. Она смотрела на подругу с укором, и в её взгляде было столько горечи, что даже воздух вокруг будто становился тяжелее.

— Дина, зачем ты с ним так? Он ведь и правда не такой, как все. Болен, а ты издеваешься, — тихо, но твёрдо сказала Настя, словно боялась, что слова разлетятся по ветру и кто-то чужой их подслушает.

Дина пожалала плечами, махнула рукой — движение вышло нарочито небрежным, почти театральным.

— Умственная отсталость разве болезнь? — произнесла она, и голос её прозвучал звонко, как разбитое стекло. — Забудь.

Настя вздохнула, но не сдалась:

— Он же верит тебе. Думает, если коня украдёт, ты за него пойдёшь. Ты хоть понимаешь, что он ради этого на всё готов?

Дина рассмеялась, и смех её эхом прокатился по опустевшей улице, заставив вздрогнуть даже воробьёв, сидевших на

заборе.

— Да брось! Он дурачок. А дуракам надо сказки рассказывать, иначе им жить скучно. Пусть себе мечтает. Ничего он не украдёт. Да и если бы украл, я бы ни за коня, ни за все богатства мира за него не пошла.

Она произнесла это легко, будто речь шла не о чьейто судьбе, а о сломанной игрушке, которую не жалко выбросить. Но в глубине её глаз мелькнуло что-то ещё — не то раздражение, не то тень вины, которую она тут же спрятала за новой усмешкой.

Дина была первой красавицей в их небольшом городке. Победительница конкурса красоты, девушка, на которую оборачивались все парни, а девушки шептались у неё за спиной. Она привыкла к повышенному вниманию, к комплиментам, к тому, что её слово — закон.

А на невзрачного Толика, который к тому же слыл дураком, она даже не обращала внимания. И чтобы тот наконец отстал, в шутку пообещала, что выйдет за него замуж, если он украдёт коня.

В окрестностях их городка конь был только у цыгана, который жил на отшибе, почти у самого леса. Дом его стоял в стороне от других, будто сам старался держаться подальше от людей.

Ходили слухи, что его когда-то выгнали из табора за что-то страшное — за дело ли, за слово, никто толком не знал. А ещё говорили, что этот цыган с чертями знается, что он

может взглядом заставить птицу упасть замертво, а собаку — замолчать на всю жизнь.

Люди его боялись и обходили его дом стороной, будто он был не просто жилищем, а какой-то границей, за которой кончается привычный мир и начинается что-то иное.

И Дина была в этом уверена: Толик никогда не достанет коня. Да если бы и достал — что с того? Она бы всё равно не пошла за него. Для неё это была просто шутка, способ избавиться от надоедливого парня, который смотрел на неё так, будто она — единственный свет в его тёмной жизни.

На следующую ночь Толик снова пошёл во двор цыгана. Но теперь он не пытался увести коня, а, набравшись храбрости, постучал в дверь. Стук прозвучал неожиданно громко в тишине, будто не по дереву ударили, а по чьему-то сердцу.

Толик замер, прислушиваясь, и ему показалось, что внутри дома кто-то медленно, тяжело шагает по скрипучим половицам.

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял цыган — высокий, широкоплечий, с чёрными, непроницаемыми глазами, в которых не отражался свет луны, а будто пряталась сама тьма.

— Ого, какие гости! Ты же обещал, что я тебя не увижу больше, — усмехнулся он, и в этой усмешке было столько холода, что Толик невольно поёжился.

— Помогите Выслушайте — умоляюще произнёс Толя, и голос его дрожал, выдавая весь страх, который он пытался

спрятать.

Цыган прищурился, будто разглядывал не человека, а какую-то странную, нелепую вещь.

— В дом не пушу. Пойдём в беседку, — коротко бросил он и, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл прочь.

Толик послушно побрёл за ним, чувствуя, как земля под ногами становится будто чужой, как будто он ступает не по привычной тропинке, а по чему-то зыбкому, ненадёжному.

Они прошли в беседку и сели на лавки друг напротив друга. В воздухе витал запах сырой древесины и чего-то горького, будто здесь давно не было живых людей, а только тени и шёпоты.

— Рассказывай, — нахмутив чёрные брови, произнёс цыган.

— Дяденька... — начал было Толя.

— Какой я тебе дяденька? Меня Артур зовут. Так и зови. Дяденьку нашёл, — усмехнулся цыган, и в темноте его зубы блеснули, как острые осколки.

— Уважаемый Артур, — робко заговорил Толя, глядя под ноги, на землю, усыпанную сухими листьями, которые шуршали при каждом его вздохе, будто подслушивали его слова, — дайте мне коня, пожалуйста.

— Чего? — Артур вдруг расхохотался, и смех его прозвучал неестественно громко, как будто в нём было больше насмешки, чем веселья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.